

*О.С. Поршнева**

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ И ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА *

В статье анализируются проявления анти–Версальского политического курса большевиков в постреволюционный период. Показано, что анти-Версальский дискурс был нацелен на легитимацию большевистской власти, мобилизацию «трубящихся» масс, использовался в системе идеологической подготовки коммунистов внутри страны и за рубежом. Критика Версальского договора и послевоенного мирного урегулирования была важной составляющей официального большевистского дискурса о мировой «империалистической» войне, инструментом политики памяти. В Советской России Версальская система международных отношений трактовалась как несправедливая, нестабильная, ведущая к ускоренному перевооружению «империалистических держав». Данный подход был обусловлен не только тем, что Советская Россия, как и Германия, оказалась изгоем в Версальской системе международных отношений, но и стремлением большевистской элиты мобилизовать недовольство условиями договора для получения политической поддержки. Внутри страны пропагандисты критиковали договор и основанное на нем послевоенное урегулирование в рамках кампаний борьбы против империалистических войн («Недели борьбы против войн», агитационных полит-судов над виновниками войны, Антивоенного Красного Дня 1 августа). Массовыми тиражами, особенно в связи с юбилеями и годовщинами войны, публиковались популярные брошюры и пособия для лекторов, критикующие и разоблачающие «империалистическую войну» и Версальский мирный Договор. За рубежом инструментом проведения анти-Версальской пропаганды большевиков и «коммунистического» варианта политики памяти в отношении Первой мировой войны стал Коминтерн.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и социальных технологий Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Olga S. Porshneva, Dr. of History, Professor, Head of the Chair of History and Social Technologies, Department of History, Ural Institute for Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Tel. +7 (343) 375-46-17. E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

© Поршнева О. С., 2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053). «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

Ключевые слова: Версальский мирный договор, Первая мировая война, большевистская пропаганда, политическая история, историческая память, политическая идеология.

Olga S. Porshneva

VERSALS PEACE CONTRACT IN THE BOLSHEVIK PROPAGANDA AND THE MEMORY POLICY OF THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD

This paper examines how Soviet anti-Versailles rhetoric was actively used in foreign and internal policy to legitimise Bolshevik power, train party cadres, and mobilise the masses politically. It explains that criticism of the Versailles order was an important feature of Bolshevik post-revolutionary discourse on the Great War. Soviet Russia portrayed the settlement as unjust, unstable, and leading to feverish rearmament amongst the “imperialist” powers. Such reproach was not only due to Soviet Russia’s exclusion from the international community, which considered the new regime to be a pariah, much like Germany; it also hoped to mobilise dissatisfaction with treaty’s terms to gain support both at home and abroad. Domestically, propagandists denounced the peace as they organized campaigns against imperialist aggression, such as the “Week of struggle against wars”, agitation war trials, Anti-War Red Day. The Soviets widely used brochures especially on the 10 and 15th anniversaries of the war castigating the Treaty in its propaganda and political education of the population and party workers. Abroad, the Comintern became an instrument of conducting anti-Versailles propaganda of the Bolsheviks and providing the communist version of the politics of memory in regarding to the First World War.

Keywords: Versailles Peace Treaty, World War I, Bolshevik propaganda, political history, historical memory, political ideology.

100-летний юбилей Версальского мира, который приходится на 2019 г., побуждает вновь обратиться к осмыслению опыта и последствий Первой мировой войны. Договор не только оформил итоги войны, но и определил тенденции и противоречия в развитии международных отношений в межвоенный период, контуры мироустройства 1920-1930-х гг.

Военно-революционный кризис 1914-1922 гг. ознаменовался в России выходом из мировой войны в результате Революции 1917 г. и победой большевиков в Гражданской войне, что привело к кардинальному изменению вектора развития страны. Глубокие трансформации общественно-политических структур сопровождались в России и других странах осмыслением последствий Великой войны, одним из аспектов которого стала выработка отношения к Версальскому мирному договору. Советская Россия, заключившая сепаратный Брестский мир с Германией, была не только исключена из числа бенефициаров победы своими бывшими союзниками по Антанте, но и стала из-за больше-

вистской революции «изгоем» в системе международных отношений, созданных Версалем.

Особенность послевоенной ситуации заключалась в том, что образ только что завершившегося конфликта конструировался политическими элитами и общественностью европейских стран на основе активного использования инструментов массовой политики и пропаганды. В странах, вышедших из войны, широкое развитие получила политика памяти, с помощью которой формировалась социальная идентичность различных сообществ, происходила их мобилизация, излечивались раны и травмы памяти. Необходимо было объяснить широким массам населения смысл огромных потерь, жертв и разрушений войны.

Большевистская политика памяти в отношении мировой войны имела как сходства, так и различия с другими странами. В постреволюционной России, в отличие от других европейских стран и США, представления и память о мировой войне не имели самостоятельного значения. Дискурс о войне был подчинен логике метарассказа о «Великой Октябрьской Революции 1917 г.» и Гражданской войне. Не создавались официальные монументы павшим, не чтились герои «несправедливой», «империалистической» войны старого режима, разрушались кладбища и т.д. [Колоницкий 2014: 199-216].

Пораженческая позиция большевиков в период войны, их потребность в удержании власти и ее легитимации, разрыв с традициями дореволюционной России, – все это способствовало утверждению на государственном уровне ленинской концепции «захватнической с обеих сторон», несправедливой, «империалистической» войны [Ленин 1915: 307-350] как интерпретационной модели, применявшейся по отношению к Великой войне.

При этом среди методов осуществления политики памяти особое место занимала социальная мобилизация, значение и возможности которой в полной мере проявились в воюющих странах в условиях войны. Несмотря на распространение военизированного насилия и культуры насилия в послевоенной Европе как общего наследия мировой войны [Война во время мира 2014], именно советское государство в полной мере институционализовало практики военного времени, превратив их в постоянные методы управления [Hoffmann 2017: 626]. В советской России социальная мобилизация была не просто инструментом, одним из ресурсов, а краеугольным камнем советского общества, опиралась на уверенность большевистской власти в реальности коренной переделки общества и людей [Холквист 2001: 69-72].

Подчиненность темы мировой войны более крупному и значимому для большевиков дискурсу о Революции не означала, что в раннесоветский период эта тема была «на задворках» общественного внимания. В современных трудах пересматриваются оценки раннесовет-

ской политики памяти в отношении мировой войны, происходит частичный отказ от тезиса о «забытой войне»⁴⁸. Обосновываются как специфичность мемориальной традиции Великой войны в советской России, так и общеевропейские ее черты, идёт инструментализация военного опыта Первой мировой войны советской элитой [Нагорная 2014: 127; Petrone 2011]. Акцентируется внимание на том, что Первая мировая война во всех странах, включая Россию, выявила большую зависимость «официальной» исторической памяти от идеологии и политики, определенную автономность «стихийной» памяти массового сознания, питаемой непосредственным опытом широких слоев и отдельных личностей, а также значимую роль «культурной фиксации» военного опыта в произведениях литературы и мемуаристики [Сенявская 2009: 11-12]. Историки подчеркивают, что изучение Первой мировой войны, ее последствий и опыта было организовано, финансировалось и продвигалось самими государственными институтами, такими, как Народный комиссариат просвещения и РККА [Petrone 2011: 200]. К. Петрон в своей монографии, посвященной российской памяти о Первой мировой войне в межвоенный период, обоснованно утверждает, что воспоминания и размышления о войне присутствовали постоянно в советской межвоенной культуре, даже если «империалистическая» война часто казалась простой «прелюдией» к революции или ее фоном [Ibid: 6].

Активное использование инструментов политики памяти большевиками определялось тем, что они ставили задачу сформировать у советских людей новое видение мира, включающее новую картину прошлого. Эта задача реализовывалась в системе образования и политического просвещения с помощью новых праздников и ритуалов, массовых пропагандистских, агитационных, «перформативных» (игровых, театрализованных) кампаний⁴⁹. В 1920-х гг. историки, архивисты, педагоги активно работали над тем, чтобы включить память и представления о Первой мировой войне в советский дискурс [Petrone 2011: 213]. Грандиозность целей и замыслов по переозначиванию прошлого определялась не только масштабностью задач социального инжиниринга, но также тем, что носители коммуникативной памяти – участники событий недавнего прошлого, – были живы и могли потенциально представить конкурирующие нарративы. Прошлое, приобретавшее

⁴⁸ Историк М.Н. Покровский еще в 1928 г. констатировал, что империалистическая война оказалась в СССР «более забыта, чем где бы то ни было». Тезис о «забытой войне» обосновывает, в частности, Д. Орловски [См.: Орловски 1999: 49].

⁴⁹ Понятие «инсценирующей диктатуры» предложил М. Рольф, показавший роль инсценировок/драматизации/новой театральности в выполнении предназначения массовых советских праздников, призванных формировать новые социальные общности и новую социальную идентичность см.: Рольф 2009. О роли «перформативных» – инсценирующих, или игровых, кампаний в усвоении новых моделей поведения [См. также: Wood 2005].

в официальном дискурсе новое значение, нередко расходилось с недавним индивидуальным и групповым опытом. Целенаправленное внедрение большевиками мифа о Революции и Гражданской войне сопровождалось забвением реального опыта участия России в войне, его «перекодированием» и «ре-интерпретацией» в марксистско-ленинском духе [Никонова 2004: 496-498], вытеснением «неудобных» воспоминаний.

Механизмы реализации политики памяти в 1920-е гг. включали проведение массовых пропагандистских кампаний, таких, как Неделя борьбы против войн 1924 г., ежегодный Антивоенный День 1 августа (с 1929 г.), показательные агит-суды. Агит-суды были особым феноменом культуры раннесоветского общества, действенным инструментом большевистской пропаганды [Wood 2005], широко использовались для переформатирования памяти о мировой войне [См., например: Жемчужный 1924]. Т.В. Раева характеризует их как «способы и приемы фильтрации памяти о Первой мировой войне, уникальную форму коммеморации» [Раева 2014: 11-13].

Важной составной частью большевистского дискурса, посвященного мировой войне, была критика Версальской международной системы как несправедливой, неустойчивой, шаткой, порождавшей новые военные приготовления и лихорадочные вооружения империалистических государств [Ульянова 2014: 677]. Положение побежденной Германии советская публицистика описывала с сочувствием, освобождая ее от ответственности за развязывание войны. Распространенными стали утверждения, что нельзя наказывать весь германский народ за ошибки и преступления правителей [См.: Там же; Любимов 1921: 10]. Напротив, победители подвергались суровому осуждению, описывались их «зверства» на оккупированной Рурской области Германии, «грабеж» последней и т.д. [Ульянова 2014: 677].

В пропагандистской брошюре 1921 г., посвященной Версальскому миру, подготовленной сотрудником Народного комиссариата финансов Н. Любимовым, содержалось подробное рассмотрение статей Версальского договора и его экономических последствий. Исследование было предпринято на основе изложения, критики и интерпретации положений книги Кембриджского экономиста Дж. М. Кейнса, со многими из тезисов которой автор солидаризовался. «Критическое изложение» работы Кейнса, обозначенное в заголовке работы [Любимов 1921], проявлялось, главным образом, в обвинении автора в защите капиталистической системы и «утопических» надеждах на ее возрождение. Обращают на себя внимание положения книги Кейнса, с которыми полностью солидаризуется Любимов. К ним относятся мысли о несправедливости, неосуществимости на практике, грабительском по отношению к Германии и «лицемерном» характере Версальского договора, неспособности В. Вильсона реализовать провозглашенные

им принципы, на условиях которых Германия согласилась пойти на перемирие и мир, но была «обманута» победителями [Там же: 24, 26, 28, 31, 44. 81]. Любимов также соглашается с Кейнсом в том, что политические и территориальные вопросы Версальского договора «далеко отступают по своему значению перед финансовыми и экономическими» [Там же: 73], и что экономические статьи Версальского договора являются «системой экономического разгрома Германии» [Там же: 44]. Вызывает одобрение автора и критика Кейнсом «недальновидной» и агрессивной внешней политики союзников в отношении советской России [Там же: 130]. Альтернативный план мирного послевоенного урегулирования, предложенный Кейнсом, направленный на хозяйственное возрождение Европы при сохранении капиталистических отношений, отвергается автором как утопический [Там же: 74]. Данные Любимовым оценки были типичными для пропагандистской литературы того времени, отличаться при этом большей обоснованностью.

Мощным пропагандистским институтом, конструировавшим негативный образ Версальского договора и основанного на нем мирного урегулирования, стал Коминтерн. Его деятельность имела воздействие на внутривнутриполитическую и зарубежную ситуации, была ознаменована использованием интерпретационных и политических механизмов переформатирования сознания и поведения людей, памяти о недавнем прошлом. Так, на IV Конгрессе Коминтерна (1922 г.) был заслушан и обсуждён доклад лидера Французской коммунистической партии М. Кашена о Версальском мирном договоре [РГАСПИ. Ф. 491. Оп. 1. Д. 192. Л. 172-183], создана комиссия «По вопросу о борьбе против Версальского договора» [Там же. Л. 24] и принята специальная Резолюция о Версальском мирном договоре [Там же. Д. 254. Л. 1-11]. В прениях по докладу Версальский договор назывался «продолжением империалистической войны империалистических держав» [Там же. Д. 192. Л. 172], ставилась задача «использовать политические и экономические последствия договора для нашей пропаганды» [Там же. Л. 174].

На Конгрессе делался вывод о возможности двух альтернативных сценариев исхода послевоенного мирного урегулирования: «Версальский договор создает такой мир, который превратится либо в новую мировую войну, либо в мировую революцию» [Там же. Л. 14]. Задача борьбы с принципами Версальского урегулирования ставилась большевиками перед всеми европейскими коммунистическими партиями. Так, в Программе действия Французской коммунистической партии (далее – ФКП), утвержденной IV конгрессом Коминтерна [Там же. Д. 301. Л. 2-9], говорилось, что «борьбе против Версальского договора и его последствий партия должна уделять первостепенное внимание» [Там же. Л. 5]. Утверждалось, что «долг французской партии – ознакомить рабочих и солдат с трагическим положением германских со-

братьев», проводить совместную с германскими рабочими и коммунистами борьбу против репараций [Там же. Д. 192. Л. 182-183].

Характерной чертой антивоенного и анти-Версальского дискурса коммунистов было отрицание «буржуазного пацифизма», что предполагало признание необходимости «справедливых» войн, подготовки классовой, гражданской войны против собственной буржуазии. Эти установки коренились в теории справедливых и несправедливых войн, разработанной основоположниками марксизма, конкретизированной В.И. Лениным, который, в частности, писал: «Мы не пацифисты... мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма» [Ленин 1917: 91]. Эти положения транслировались в системе политпросвещения внутри страны, были взяты на вооружение зарубежными компартиями. Так, в программе действий ФКП, утвержденной на IV конгрессе Коминтерна, говорилось: «Антимилитаристская пропаганда должна резко отмежеваться от буржуазного лицемерного пацифизма, вдохновляясь принципами вооружения пролетариата и разоружения буржуазии» [РГАСПИ. Ф. 491. Оп. 1. Д. 301. Л. 6].

Резолюции и доклады этого и других конгрессов Коминтерна, в повестке которых было рассмотрение проблем послевоенного урегулирования, внешней политики советской России, «борьбы против угрозы империалистической войны»⁵⁰, публиковались в «Правде», пропагандистских брошюрах, предназначенных к использованию в ходе массовых антивоенных кампаний и в системе политпросвещения. В ходе проведения кампаний на предприятиях, в клубах и т.п. проводились «комплексные лекции», длившиеся полтора-два часа, которые публиковались заранее, чтобы «облегчить» подготовку докладчикам. Лекции сопровождалась диапозитивами, иногда – «живыми картинками» [Ульянова 2014: 678]. Негативные характеристики Версальского договора и его последствий присутствовали во всех брошюрах, посвященных годовщинам мировой войны, в частности, ее 10-летию, проведению (с 1929 г.) ежегодного Антивоенного Красного Дня 1 августа и т.д. [См.: Десятилетие мировой войны 1924; Десятилетие мировой войны 1925; Империалистическая война 1924; 1-е августа 1929; и др].

Образ несправедливого Версальского мира, которым завершилась «империалистическая война», конструировался не только в системе общего образования и политического просвещения населения, но и подготовки партийных кадров внутри советской России и за рубежом. В 1924 г. в программе подготовки слушателей кружков по изучению больше-

⁵⁰ В частности, VI Конгресса (17 июля – 1 сентября 1928 г.), принявшего специальный Манифест и тезисы «Борьба против империалистической войны и задачи коммунистов» [См.: РГАСПИ. Ф. 493 Оп. 1. Д. 735. Л. 36-40], напечатанные в «Правде» 14 октября 1928 г.

визма, предназначенной для членов коммунистических партий всех стран, разработанной Коминтерном [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 30. Д. 72. Л. 131-145], ставилась задача «обучить каждого члена партии азбуке ленинизма» [Там же. Л. 137], что предполагало усвоение ленинской концепции справедливых и несправедливых войн и, в том числе, его идей о мировой «империалистической» войне. При этом в списке обязательной литературы к изучаемому курсу, помимо работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, значилась книга К. Радека «Ликвидация Версальского договора» [Там же. Л. 145], специально посвященная данному вопросу.

Борьба с Версальским договором отошла, однако, на второй план в тактике Коминтерна, когда, в связи с приходом Гитлера к власти возникла реальная угроза войны и необходимость создания системы коллективной безопасности в Европе. П. Тольятти в докладе на VII Конгрессе Коминтерна критиковал в связи с этим позицию «некоторых групп пацифистов», «для которых борьба против Версальского договора становится подчас предлогом, чтобы закрывать глаза на агрессивную политику и военные провокации германского национал-социализма» [Тольятти 1935: 231].

Империалистическая война, по мнению большевиков, не могла иметь подлинных героев, память о которых должна была поддерживаться коллективными, в том числе юбилейными, коммеморациями. Задачи «юбилейных» кампаний, связанных с годовщинами мировой войны, были иными – политическая мобилизация населения на основе «военной тревоги» и пропаганда достижений первой в мире страны социализма. Однако практика воспоминаний подчас выходила за эти рамки, о чем свидетельствует блокирование под давлением местных руководителей «односторонних», а по сути – альтернативных – оценок во время «вечеров воспоминаний участников империалистической войны», приуроченных к празднованию «антиимпериалистического Дня» 1 августа 1929 г. [Никонова 2004: 97]. Во введении Методического пособия для докладчиков и групповых агитаторов, посвященного Международному Дню борьбы против империалистической войны 1 августа, авторы подчеркивали, что отнюдь «не юбилейные соображения», хотя День и совпал с 15-летием начала войны и 10-летием Версальского мира, побудили Коминтерн поставить в центре внимания вопрос о войне [1-е августа 1929: 3]. 1 августа – не просто обычная демонстрация или антивоенный парад, не просто обычное юбилейное напоминание о 15-летию первой всемирной империалистической войны, – отмечалось в брошюре. Международная политическая обстановка складывается так, что опасность новой войны становится самой злободневной [Там же: 4]. Докладчики, как предлагалось в пособии, должны были увязать борьбу против опасности новой войны с задачами текущего момента – индустриализации, социалистической переделки сельского хозяйства, борьбой с внутренним врагом [Там же: 53-

58]. Тенденция связывать все с официально представляемой советской реальностью, как отмечает А. Коэн, была справедливой в отношении воспоминаний о Первой мировой войне. Прошлое перемещалось в настоящее в газетных коммеморациях через сравнения «тогда» и «теперь», и делались постоянные намеки, что новая война неизбежна [Cohen 2003: 81]. Память о войне использовалась для представления советской версии современной реальности как борьбы между Советским Союзом и империалистическими агрессорами [Ibid.: 83].

Пропаганда угрозы новой империалистической войны выявила в Советской России целый спектр общественных настроений: от искреннего желания немедленно встать на защиту социалистического государства до ожиданий войны и иностранного вторжения как единственного способа свергнуть власть коммунистов. В информационных сводках ЦК ВКП (б) за 1927 г., охватывающих все регионы страны, отмечалось, что большинство крестьянского населения войны не хочет, но в случае ее начала готово защищать СССР [ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 17]. В то же время в деревне проявлялись пораженческие и антисоветские настроения [Там же]. Многочисленные свидетельства, исходившие из среды рабочих, говорили об их «военном нетерпении», поддержке активных действий СССР на международной арене, в том числе, военного характера, недовольстве «уступчивостью» советского правительства перед лицом зарубежных капиталистов [Там же. Л. 14], что свидетельствовало об определенной эффективности пропагандистских усилий власти. Однако пораженческие настроения имели место и среди рабочих [Там же]. Об интересе рабочих к созданной в 1919 г. в результате Версальского договора Лиге Наций и проблемам разоружения свидетельствуют вопросы и реплики на рабочих конференциях Москвы и Московской губернии в 1926 г. Так, в Краснопресненском районе звучало высказывание: «Хорошо сделало наше правительство, что не пошло в Лигу Наций, с ними нам делать нечего», «Мы и без них победим», а в Сокольническом районе спрашивали: «Интересно знать, на какой точке зрения стоит СССР о созыве Лигой наций конференции по разоружению всех стран в Швейцарии, войдет ли СССР в Лигу Наций» [РГАСПИ Ф. 17. Оп. 60. Д. 827. Л. 53-53об].

В Краткой характеристике записок, поданных на рабочих конференциях в 1926 г., составленной Отделом Агитации и пропаганды ЦК ВКП (б), были упомянуты такие: «Может ли Лига Наций принять СССР, желает ли она этого? Почему Германия не принята в Лигу наций?» [В 1926 г. Германия вошла в Лигу Наций: См.: Туз 2019: 588], «Какие причины у капиталистов на созыв конференции по разоружению в Швейцарии?» [РГАСПИ Ф. 17. Оп. 60. Д. 827. Л. 58].

В системе внешнеполитических стереотипов советских людей, формируемых пропагандой, представления о Версальском мире, Лиге Наций, разоружении и вооружении держав занимали свои места, опре-

деляемые логикой официального нарратива об угрозе новой империалистической войны. Однако даже упоминаемые вопросы рабочих красноречиво свидетельствовали о существовании вариантов толкований международной ситуации, не укладывавшихся в «прокрустово ложе» пропагандистских клише, сомнениях, стремлении самостоятельно разобраться в ситуации. Это тем более было характерно для интеллигенции, читавшей газеты «между строк», размышлявшей, искавшей разные источники информации. Так, московский историк И.И. Шитц записал в своем дневнике в июле 1931 г.: «Германия всячески пыталась все время фактически избавиться от версальских обязательств, ей все уступали, ибо не были единодушны в своих на нее нажимах и соблюдали пацифизм. В поисках опоры немцы все время определенно глядели в сторону СССР, мечтая чуть ли не с его помощью получить “реванш”» [Шитц 1991: 313].

Таким образом, анти-Версальский дискурс был важной составляющей большевистской политики памяти в отношении Первой мировой войны и официальной пропаганды раннесоветского периода. Основанный на критике реальных пороков и противоречий договора, он делал акцент на неизбежности новой империалистической войны как его закономерного следствия. Особую остроту анти-Версальской риторике придавали положение советской России как пария основанной на договоре системе международных отношений, а также стремление большевиков максимально использовать негативный образ Версальского договора в качестве инструмента мобилизации политической поддержки внутри страны и за рубежом.

Список источников и литературы

- 1-е августа 1929** – 1 августа – международный красный день борьбы против империалистической войны. Методическое пособие для докладчиков и групповых агитаторов. М.-Л.: Московский рабочий. 1929.
- Война во время мира 2014** – Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917-1923 / Сборник статей; Ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 400 с.
- Десятилетие мировой войны 1924** – (Материалы для агитаторов) / Агитпроп ЦК РКП. М.: Красная новь, 1924. 131 с.
- Десятилетие мировой войны 1925** – Десятилетие мировой войны: сборник статей / под редакцией М. Охитовича; с предисловием К. Радека. М.: издание журнала Вестник воздушного флота, 1925. 436 с.

- Жемчужный 1924** – Жемчужный В.Л. Политсуд над виновниками империалистической войны: (Инсценировка). Ростов н/Д: Дон-политпросвет, 1924. – 47 с.
- Империалистическая война 1924** – Империалистическая война: Ее причины и следствия : Сборник статей под ред. К. Шелавина. Л.: Прибой, 1924. – 140 с.
- Колоницкий 2014** – Колоницкий Б. И. Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // Звезда. 2014. № 11. С. 199-216.
- Ленин 1917** – Ленин В.И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 87-94.
- Ленин 1915** – Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 307-350.
- Любимов 1921** – Любимов Н. Мировая война и ее влияние на государственное хозяйство Запада. (Критическое изложение работы Кейнса «Экономические последствия мира»). М.: Государственное издательство, 1921. 133 с.
- Нагорная 2014** – Нагорная О.С. Плен Первой мировой войны в советской художественной литературе: конфликт и консенсус индивидуальных переживаний // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 127-140.
- Никонова 2004** – Никонова О. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2004. С. 489-506.
- Никонова 2010** – Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927-1941 гг.). М.: Новый хронограф, 2010. 471 с.
- Орловски 1999** – Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium). СПб.: СПб. Ин-т Истории РАН, «Дмитрий Буланин», 1999. С. 49-57.
- Раева 2014** – Раева Т. В. Меморизация Первой мировой войны в СССР: «Агитсуд» как способ формирования памяти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2014. Т. 14. №. 3. С. 11-13.
- Рольф 2009** – Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Российская политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2009. 439 с.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.

- Сенявская 2009** – Сенявская Е.С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 1-13.
- Тольятти 1935** – Тольятти П. О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. Доклад на VII Всемирном Конгрессе Коммунистического Интернационала 13-14 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов). М.: Политиздат, 1975. С. 224-295.
- Туз 2019** – Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916-1931 годы/пер. с англ. А. Гуськова; под науч. ред. Е. Антоновой. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 640 с.
- Ульянова 2014** – Ульянова С.Б. Память об «империалистической войне» в советском обществе в 1920-е гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914-1918. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 675-680.
- Холквист 2001** – Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. С. 45-93.
- ЦДООСО** – Центр документации общественных организаций Свердловской области.
- Шитц 1991** – Шитц И.И. Дневник «великого перелома» (март 1928 – август 1931). Париж: YMCA-PRESS, 1991. 326 с.
- Cohen 2003** – Cohen A. J. Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review 62, №1 (Spring 2003), P. 69-86.
- Hoffmann 2017** – Hoffmann D. L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. Volume 76. Issue 3 Fall 2017, pp. 619-628.
- Petrone 2011** – Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011. 385 p.
- Wood 2005** – Wood E. A. Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005. 312 p.

References

- 1-e avgusta 1929** – 1 avgusta – mezhdunarodny`j krasny`j den` bor`by` protiv imperialisticheskoy vojny`. Metodicheskoe posobie dlya dokladchikov i gruppovy`x agitatorov. M.-L.: Moskovskij rabo-chij. 1929.

- Vojna vo vremya mira 2014** – Vojna vo vremya mira: Voenizirovanny`e konflikty` posle Pervoj mirovoj vojny`. 1917-1923 / Sbornik statej; Red. R. Gervart i D. Xorn. M.: Novoe literaturnoe obo-zrenie, 2014. 400 s.
- Desyatiletie mirovoj vojny` 1924** – (Materialy` dlya agitatorov) / Agitprop CzK RKP. M.: Krasnaya nov`, 1924. 131 s.
- Desyatiletie mirovoj vojny` 1925** – Desyatiletie mirovoj vojny`: sbornik statej / pod redakciej M. Oxitovicha; s predislovieM K. Radeka. M.: izdanie zhurnala Vestnik vozdushnogo flota, 1925. 436 s.
- Zhemchuzhny`j 1924** – Zhemchuzhny`j V.L. Politsud nad vinovnikami imperialisticheskoy vojny`: (Inscenirovka). Rostov n/D: Don-politprosvet, 1924. – 47 s.
- Imperialisticheskaya vojna 1924** – Imperialisticheskaya vojna: Ee prichiny` i sledstviya : Sbornik statej pod red. K. Shelavina. L.: Priboj, 1924. – 140 s.
- Koloniczkiy 2014** – Koloniczkiy B. I. Pervaya mirovaya vojna: kul`tu-ra e`poxi i social`naya pamyat` // Zvezda. 2014. № 11. S. 199-216.
- Lenin 1917** – Lenin V.I. Proshhal`noe pis`mo k shvejczarskim rabo-chim // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 31. S. 87-94.
- Lenin 1915** – Lenin V.I. Socializm i vojna // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 26.S. 307-350.
- Lyubimov 1921** – Lyubimov N. Mirovaya vojna i ee vliyanie na gosudarstvennoe zozyajstvo Zapada. (Kriticheskoe izlozhenie raboty` Kejnса «E`konomicheskie posledstviya mira»). M.: Gosudarstven-noe izdatel`stvo, 1921. 133 s.
- Nagornaya 2014** – Nagornaya O.S. Plen Pervoj mirovoj vojny` v sovet-skoj xudozhestvennoj literature: konflikt i konsensus indi-vidual`ny`x perezhivaniy // Bol`shaya vojna Rossii: social`ny`j por-yadok, publichnaya kommunikaciya i nasilie na rubezhe czarskoj i sovet-skoj e`pox. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. S. 127-140.
- Nikonova 2004** – Nikonova O. Voennoe proshloe Rossii i sovet-skiy patriot-izm: k postanovke problemy` // Vek pamyati, pamyat` veka: Opy`t obrashheniya s proshly`m v XX stoletii. Chelyabinsk: Izd-vo «Ka-menny`j poyas», 2004. S. 489-506.
- Nikonova 2010** – Nikonova O.Yu. Vospitanie patriotov: Osoaviaksim i voennaya podgotovka naseleniya v ural`skoj provincii (1927-1941 gg.). M.: Novy`j xronograf, 2010. 471 s.
- Orlovski 1999** – Orlovski D. Velikaya vojna i rossijskaya pamyat` // Rossi-ya i Pervaya mirovaya vojna (Materialy` mezhdunarodnogo kollokviuma). SPb.: SPb. In-t Istorii RAN, «Dmitrij Bula-nin», 1999. S. 49-57.
- Raeva 2014** – Raeva T. V. Memorizaciya Pervoj mirovoj vojny` v SSSR: «Agitsud» kak sposob formirovaniya pamyati // Vestnik Yuzhno-

- Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Obshhestvenny`e i gumanitarny`e nauki». 2014. T. 14. №. 3. S. 11-13.
- Rol'f 2009** – Rol'f M. Sovetskie massovy`e prazdniki. M.: Rossij-skaya politicheskaya e`nciklopediya; Fond «Prezidentskij centr B.N. El'cina», 2009. 439 s.
- RGASPI** – Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoy istorii.
- Senyavskaya 2009** – Senyavskaya E.S. Istoricheskaya pamyat` o Pervoj mi-rovoj vojne: osobennosti formirovaniya v Rossii i na Zapade // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2009. № 2. S. 1-13.
- Tol'yatti 1935** – Tol'yatti P. O zadachax Kommunisticheskogo Internacionala v svyazi s podgotovkoj imperialistami novoj mirovoj vojny`. Doklad na VII Vsemirnom Kongresse Kommunisticheskogo Internacionala 13-14 avgusta 1935 g. // VII kongress Kommunisticheskogo Internacionala i bor`ba protiv fashizma i vojny`. (Sbornik dokumentov). M.: Politizdat, 1975. S. 224-295.
- Tuz 2019** – Tuz A. Vsemirny`j potop. Velikaya vojna i pereustrojstvo mirovogo poryadka, 1916-1931 gody`/per. s angl. A. Gus`kova; pod nauch. red. E. Antonovoj. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2019. 640 s.
- Ul'yanova 2014** – Ul'yanova S.B. Pamyat` ob «imperialisticheskoy voj-ne» v sovetskom obshhestve v 1920-e gg. // Rossiya v gody` Pervoj mirovoj vojny`, 1914-1918. M.: IRI RAN, 2014. S. 675-680.
- Xolkvist 2001** – Xolkvist P. «Osvedomlenie – e`to al'fa i omega na-shej raboty`»: Nadzor za nastroeniyami naseleniya v gody` bol'shevistskogo rezhima i ego obshheevropejskij kontekst // Amerikanskaya rusistika: Vexi istoriografii poslednix let. Sovet-skij period: Antologiya / Sost. M. De`vid-Foks. Samara: Izda-tel'stvo «Samsarskij universitet», 2001. S. 45-93.
- CzDOOSO** – Centr dokumentacii obshhestvenny`x organizacij Sverdlovskoj oblasti.
- Shitez 1991** – Shitez I.I. Dnevnik «velikogo pereloma» (mart 1928 – avgust 1931). Parizh: YMCA-PRESS, 1991. 326 s.
- Cohen 2003** – Cohen A. J. Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review 62, №1 (Spring 2003), P. 69-86.
- Hoffmann 2017** – Hoffmann D. L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. Volume 76. Issue 3 Fall 2017, pp. 619-628.
- Petrone 2011** – Petrone K. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011. 385 p.
- Wood 2005** – Wood E. A. Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005. 312 p.